ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Ф О Р У М

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 1(255) – 2018

"Поэзия – дитя веры"

Николай ЗИНОВЬЕВ

Николай Зиновьев – один из лучших современных русских поэтов. В этом году у него двойной юбилей: тридцать пять лет со дня первой публикации и тридцать лет со времени выхода первой книги.

Редакция журнала "Родная Кубань" переслала беседу с ним своего корреспондента. "День литературы" присоединяется и к поздравлениям Николая Зиновьева с получением им Бунинской премии – 2017 и желает поэту неиссякаемого вдохновения и творческих удач.

Беседовала Маргарита Синкевич

М.С.: *Николай Александрович, как известно, Валентин Григорьевич Распутин в числе немногих авторов, которых следует "читать на сон грядущий", назвал и вас. Что значит для вас такая оценка?*

Н.З.: Правильнее на сон грядущий было бы читать молитвы, а не произведения мирских авторов, но если автор создает произведение близкое к молитве, то есть наполненное и душевным, и духовным содержанием, то почему бы и не прочесть?

Конечно, я очень благодарен Валентину Григорьевичу и не только за вот такую, возможно и завышенную оценку моего творчества. Благодарен и за личное общение и поддержку. Это приятно, но и ко многому обязывает. А вот Пушкинское "Хулу и похвалу приемли равнодушно" звучит как пожелание. Достичь такого состояния светскому автору, в принципе, невозможно. Хотя слово и перестало быть Богом, в нём ещё осталось достаточно силы, чтобы "жечь сердца людей". Поэтому и говорю: похвала меня радует, хула огорчает, от кого бы и та, и другая ни исходили.

М.С.: *А чьим мнением вы ещё дорожите?*

Н.З.: Отвечу, как ответил бы любой поэт: своим. Поверьте, никто так дотошно и пристрастно не относится к своему творению, как сам творец. Не зря же мы созданы по образу и подобию Божьему. Хотя мнение автора может быть и ошибочным. Поэтому, как мне кажется, лучше недооценить свое произведение, чем переоценить. А в абсолюте главный судья – Время. Хотя и здесь не все однозначно. Ведь Поэзия существует вне времени и пространства. Она – кусочек Вечности, которой Поэт может управлять.

Двадцатый век. Начало. Спас
Глядит с иконы в каждой хате,
А на дворе полдневный час,
И тени прячутся, как тати.
А среди старых тополей,
Смеясь заливисто и звонко,
Босая бегает девчонка,
Что станет бабушкой моей…

М.С.: *Всю свою жизнь вы прожили в Кореновске. У вас никогда не возникало желания переехать поближе к эпицентру литературной жизни?*

Н.З.: Эпицентр литературной жизни? Я отделяю жизнь литературную от просто – жизни. Творчество, для меня – Поэзия – требует тишины и уединения. Даже одиночества.

М.С.: *А на Кубани у вас сложился литературный круг общения? Кто из кубанских авторов человечески и творчески вам близок?*

Н.З.: Как я уже сказал, поэзия требует одиночества. Пожалуй, поэтому у меня и на Кубани, в том числе, не сложился литературный круг общения.

Скорее исключением, чем правилом является моя давняя дружба с русским поэтом, живущим в Анапе, Сергеем Зубаревым. Человечески и творчески мне близок был и остается Вадим Петрович Неподоба, которого с нами уже нет. Зримо нет:

"У Бога все живы", – как будто алмаз,
Сверкает строка из Завета.
Покажется странным,
быть может, для вас,
Но живы все и у Поэта.

М.С.: *Часто ли вы нарушаете это творческое уединение? Например, ради встречи с читателями?*

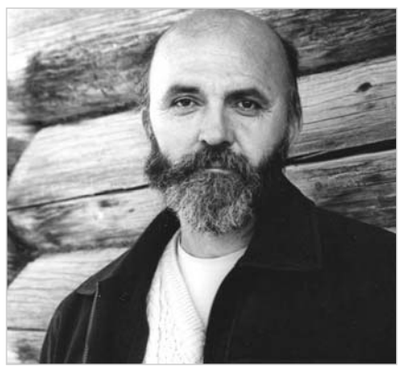
Н.З.: Будь моя воля, я бы нарушал его только в крайних случаях. Но житейские проблемы заставляют делать это гораздо чаще. Причем, если долго не удается "творчески уединиться", я бы сказал, в классическом виде – берег реки, ивы, старая лодка на цепи, – срабатывает механизм, принцип работы которого я объяснить не смогу. Сижу я, скажем, в зале кинотеатра, но не вижу и не слышу того, что происходит вокруг, погруженный в свои мысли и чувства.

С читателями края встречаюсь довольно часто, последние встречи были в Горячем Ключе, Лабинске, Геленджике, Темрюке, Армавире, Ейске, Краснодаре… За пределами края встречи происходят реже. По разным причинам. Но удалось встретиться с читателями Москвы, Новосибирска, Иркутска, Ярославля, Ростова-на-Дону, Волгограда…

М.С.: *Поделитесь с нами впечатлениями. Какой, на ваш взгляд, читатель XXI века? Чем отличается от читателя XX века?*

Н.З.: Сначала о читателе XX века. Мы жили в атеистическом государстве, где существовала идеологическая цензура. Поэтому читатель не слышал, а поэт не писал духовных стихов. Это, бесспорно, плохо. Но существовала и художественная цензура, не позволявшая издавать откровенно графоманские "поделки". А это хорошо. Читатель XX века – читатель с хорошим вкусом, но с темной безбожной харизмой, маскируемой мифом о некоем "светлом будущем".

Теперь о читателе XXI века. Писать и читать богословские книги сейчас не только можно, но и модно. И не только модно, у части людей тема духовных стихов вызвана столь же духовной потребностью. Это хорошо. Но отсутствие художественной цензуры открыло ящик Пандоры. На прилавки книжных магазинов хлынуло море стихов, ни к поэзии, ни к духовности отношения не имеющих. Получается, читатель XXI века напрочь лишен вкуса, а это ведет к искаженному пониманию духовности и



прочим, вытекающим из этого, последствиям. Возможно, это одна из причин сумеречного состояния нашего народа. Одна из многих.

Хотел сказать: "Но будем надеяться на светлое будущее" и осёкся. Какое "светлое будущее" может быть у атеиста-материалиста? Как не было его до зачатия, так и не станет после смерти. Пустота, если не считать гниющих костей в деревянном ящике, зарытом на двухметровую глубину. У человека верующего это светлое будущее совсем иное. Он знает, что после смерти жизнь не заканчивается, хотя вероятность попасть в рай, а не в ад – десятые доли процента. Но десятые доли процента Надежды попасть в царство небесное – разве этого мало? Ведь именно они придают смысл нашей земной жизни, а иначе… и говорить не хочется.

Для чего я это написал? Все мои стихи об этом. Я бы назвал свою поэзию миссионерской. Своими стихами я хочу убедить прежде всего самого себя в существовании Бога, а следовательно, в существовании Любви, которая превыше всего. Естественно, это кому-то не нравится. Я даже знаю, кто эти "кто-то". Помните роман Достоевского?

М.С.: *О них вы прямо говорите во многих стихотворениях, например, в стихотворении "Сон": "Русь не зовут уже Святой, Она у бесов под пятой…". Что больше всего неприемлемо для вас в современном мире?*

Н.З.: И да, и нет. Бес не живёт в литературном персонаже. Он злобствует в душе живого человека. Причём, по-моему, в душе каждого. Просто у кого-то это бесёнок, а у кого-то бесяра. Вспомните Писание: и имя им – Легион. Бесы: сребролюбия, гордыни, чревоугодия, зависти, блудодеяния, жестокосердия... Кто без этих пороков? Увы. "Любовь умалится...". Но свято место пусто не бывает. И вслед за уходящей из души Любви в неё стекает зло. Так что – это как бы не образ, а факт. И то, что мы живем у бесов под пятой, тоже не образ. Именно так и происходит: каждый живет под пятой у своего или своих. Причём бес интернационален и никаких классовых различий не признает. Он со злобным усилием, усердием делает своё чёрное дело как в душе русского, также и в душе француза или жителя острова Борнео.

Думаю, вся мировая литература (и Поэзия в частности) не что иное, как описание этих бесов, не являющихся видимо, но выражаемых в грехах и пороках. Литература, которая – разумеется, талантливо – противостоит человеческим порокам – конструктивна, благородна.

А все остальное – чтиво бесполезное. А порой и вредное. Получается, что Поэзия – дитя веры. И атеист, который говорит, что любит Поэзию, лукавит. Он, по определению, так же далек от неё, как и от Бога.

Что больше всего мной неприемлемо в мире? Не буду оригинален, если скажу: ложь. Да именно фундамент этого мира и является причиной его, мягко говоря, несовершенства. С ней – ложью – тоже надо бороться, но не с мировой, а в себе, со своей личной. Сразу же приходят на ум слова: спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи. Поэт, как человек с богатым воображением и особой чуткостью к собственной лжи, может дать ценные советы (в стихах, разумеется) в борьбе с этой болезнью всех веков и поколений.

М.С.: *Есть ли среди современных литераторов авторы, близкие вам духовно, ментально, творчески?*

Н.З.: Среди современных авторов трудно отдать кому-то предпочтение. Любви в нашем мире становится меньше. Поэзии, которая, по сути, и есть любовь, тоже стало мало.

Ещё Николай Рубцов писал, что в его время Поэзия была уже "островками". А в наше? Кочками?

Духовно мне близок Иеромонах Роман. Творчески – Евгений Семичев, Сергей Зубарев, Игорь Тюленев. Пожалуй, и всё. Я мало читаю современных поэтов, да и прозаиков тоже. Сейчас читаю богословскую литературу, которую не было возможности читать в юности.

М.С.: *Какие писатели оказали влияние на формирование поэтического дара Николая Зиновьева? Что вы читали в юности?*

Н.З.: Читал я очень много в детстве, отрочестве и юности. Читал классику: Бунин, Гоголь, Куприн, Лесков – это позже, а мальчишкой – "Зверобоя", "Последнего из могикан", "Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна"... Что странно: стихов не читал вообще. Я их не чувствовал, хотя поэзией исподволь наполнялся из произведений Гоголя, Бунина… Наверное, к 20-ти годам поэзия в душе и сердце достигла критической массы и – рванула. Неожиданно для себя я начал писать стихи.

М.С.: *Николай Александрович, вы одновременно учились в станкостроительном техникуме и на филологическом факультете Кубанского государственного университета? Как возникла эта разнополюсность интересов и наложила ли она отпечаток на ваше творчество?*

Н.З.: Уже через год после поступления в станкостроительный техникум понял: это не моё. Мы в техникуме много чертили, думаю, в моих стихах от этого осталась точность, чёрно-белость, законченность. Хотя, может быть, я ошибаюсь. Потом поступил в ПТУ, учился на сварщика. Выучился – нужно было зарабатывать деньги. Поступил в Кубанский на филфак заочно, учился и работал, или, вернее, работал и учился. Ну и стихи писал, и до сих пор пишу.

М.С.: *Об истории вашей семьи известно много подробностей. Например: "Прадед поэта по матери – Соболь Кондрат Сергеевич, казак, верно служил до революции царю, участник военных действий с австро-германцами. Имел Георгиевский крест IV степени за выдающееся мужество и храбрость. В 1941 году был взят в НКВД как враг народа, а после (уже посмертно) реабилитирован"; "Дед по матери – казак, работал в колхозе до войны 1941-1945 г. комбайнером. С войны не вернулся, погиб в Крыму, заменив в бою погибшего командира (по словам очевидца)"… Как вашей семье удалось сохранить родовую память?*

Н.З.: Есть такое выражение: веру православную сохранили белые платочки... Вот и в нашей семье в каждом поколении была своя "бабушка", которая передавала семейные предания дочери или невестке. Кстати, совсем недавно в разговоре со своей матушкой всплыла версия происхождения старой казачьей фамилии. Уж не знаю, насколько она верна, но... В девичестве она – Соболь. Ещё во времена Ермака один из наших предков имел так сказать трофейное оружие – саблю с гравировкой на лезвии фигурки соболя. Так его потом и стали называть. Сабля эта находилась в семье аж до революции. Потом что с ней стало – неизвестно. Предками, которые были мужественнее, мудрее и духовнее меня, горжусь. У меня много стихов о моих дедах, прадедах, бабушках.

М.С.: *В отличие от большинства поэтов, которые рано начали писать стихи, вы свои первые произведения написали в 20 лет. Как ваши родители отнеслись к вашим поэтическим начинаниям?*

Н.З.: Да, я начал писать стихи в 20 лет. Может быть, поэтому у меня не было так называемого периода "ученичества". Я практически сразу определил свой стиль, круг тем, творческий почерк, который, я надеюсь, со временем меняется в лучшую сторону.

Родители отнеслись к моим первым публикациям скорее равнодушно, чем заинтересовано. Хочется вспомнить эссеиста Генри Льюиса Менкена, который говорил, что, как бы почтительно ни относилась к вам семья, "как бы ни ценила она ваши достоинства и авторитет, втайне она всегда смотрит на вас, как на осла, и питает к вам нечто вроде жалости". По-моему, точно так же относится к поэтам бо**л**ьшая часть народа.

М.С.: *Николай Александрович, много трогательных строк вы посвятили своей жене. Расскажите, что вас связало на долгие годы? Как Ирина оценивает ваше творчество? Влияет ли на него?*

Н.З.: Отношение жены к моему творчеству несколько иное, чем у моих родителей. Наверное, за годы, прожитые вместе, она "опылилась" от меня неравнодушием к Поэзии и, я надеюсь, не считает меня ослом.

Влияет ли Ирина на моё творчество? Однозначно – да. А как? Об этом можно написать целый роман, а я не прозаик.

М.С.: *Тридцать пять лет назад вы начали писать стихи, тридцать лет назад вышла в свет ваша первая книга. Что удалось сделать за это время? Как вы сами оцениваете пройденный творческий путь?*

Н.З.: Как человеку – ничего. Разве можно сравнить меня сегодняшнего с тем чудным, чистым как ангел ребёнком, который живёт в моей памяти? Кстати, о детстве я много написал стихов. Конечно, как и все поэты, считаю, что лучшие мои стихи ещё не написаны. Да и новая книга витает в мыслях. А чего достиг как поэт? Судить не мне, а читателю. Я не знаю, какой я Поэт, но пишу я для Великого Читателя.

В круговороте молодёжных семинаров

Яна САФРОНОВА

Польза писательских семинаров очевидна: помимо столь необходимого взгляда со стороны, начинающий писатель получает ещё и массу полезных теоретических знаний. Там услышал новое для себя имя, тут обнаружил неизвестный раньше приём, или вообще вдруг узнал, что существуют литературные ухищрения… Кроме того, молодые литераторы в процессе обсуждения учатся формулировать свои мысли и оценивать произведения других, что позволяет в будущем видеть и свои тексты с должной дистанции.

Так куда же податься? Конечно, можно поступить в один из трёх институтов , где существует специальность "Литературное творчество" и там со своими коллегами-студентами обсуждаться из года в год на протяжении пяти лет. Но, во-первых, не все решатся на такой подвиг, а, во-вторых, в определённый момент времени может показаться, что и эта творческая среда уже дала всё, что могла. Можно, конечно, посещать платные семинары, которые проводят известные писатели. Один из таких проходил в Москве 16 декабря . Но польза от них сомнительна: однополярное мнение "мастера", свидетельство об участии и книги с автографом (последнее только для десяти лучших)…

А можно посетить мероприятия с более чем десятилетней историей. Например, ежегодный форум для молодых писателей "Липки", как его неофициально называют по бывшему месту проведения. Полностью: Международный Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, организованный Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ. Тут уже, конечно, всё серьёзно: толстые журналы набирают в свои мастер-классы писателей и активно работают с ними на протяжении всей недели, по результатам форума – публикуют лучших и даже издают книги. Возглавляет Фонд небезызвестный Сергей Александрович Филатов. Однако в "Липки" попасть совсем непросто, и если удача не улыбнулась молодому литератору в этом году (как, например, мне), то он может продолжить своё литературное путешествие и подать заявку на семинары Союза писателей Москвы, который возглавляет всё тот же человек.

Конечно, это не столь масштабное событие, как описанное выше, но два мастера-профессионала на каждом семинаре прозы\поэзии\критики\драматургии всё же имеются и готовы высказать своё мнение по поводу работ, прошедших конкурсный отбор. Здесь в виде наилучшего результата участников семинаров рекомендуют к принятию в Союз писателей Москвы. Напомню, что Союз организован в результате распада Союза писателей СССР, и это лишь один из его осколков. Особенно подчёркивается демократическая ориентация писательской организации: "…противостоит любым проявлениям национальной нетерпимости, пропаганде насилия в обществе, считая своей главной задачей сохранение свободы творчества и чистоты русского языка, полагая оценочным критерием литературного произведения талант автора".

Итак, на семинар критики Союза писателей Москвы мне попасть удалось, а потому процитированный абзац приобрёл для меня особенное значение, и я могу поделиться своим скромным опытом. Моими мастерами были прозаик и критик Елена Сафронова и поэт, переводчик и литературовед Виктор Куллэ. Последний взял на себя смелость отметить общий низкий уровень критического семинара, в чём мне трудно с ним не согласиться. Но вот остальные высказывания Виктора Альфредовича вызывали серьёзные вопросы. Самым, пожалуй, острым стало его рассуждение на тему нравственности и литературы. Со свойственной ему эксцентричностью он обратился ко мне со следующим замечанием: "Я не понимаю, – с улыбкой воскликнул Куллэ, – откуда это в такой молодой девушке? Кто учит вас этому? Это какой-то кондовый совок, говорить о нравственности героя, о том, как должны люди поступать, а как – нет". Я действительно задумалась над этим вопросом. Откуда это берётся? Пожалуй, из традиции классической русской литературы. В "Пушкинской речи" Ф.М. Достоевский размышлял о Татьяне Лариной как о нравственном идеале русского народа, Д.И. Писарев полемизировал с Н.А. Добролюбовым по поводу образа Катерины, считая её отнюдь не "лучом света в тёмном царстве", а человеком, не обладающим твёрдым характером, и подвергал сомнению её "суровую добродетель". Походит на дискурс о поступках литературного персонажа. Так что это даже не совок, это вообще позапрошлый век!

Но вернёмся к предполагаемым оценочным критериям семинара, главным из которых является "талант автора". В большей степени, конечно, так и происходит, но заметны некоторые предубеждения, которые скрыть не удалось. У мастеров вырывались язвительные замечания вроде: "Вы всерьёз считаете, что то, что печатается в газете "День литературы", может быть достойным обсуждения?". Или же реплика семинариста: "В текстах этого писателя (героя моей статьи, – *Я.С.*) много пафоса…", мастер прерывает: "Конечно, много, это же автор "Нашего современника"". То есть руководители семинара даже не скрывают, что издание, в котором напечатан тот или иной текст, автоматически "даёт" ему отрицательную качественную характеристику, если руководитель семинара считает уровень печатной площадки недостаточно высоким. Дело тут, конечно, скорее в другом. Подразумевается разность политических позиций Союза писателей Москвы и названных выше изданий. Я искренне не понимаю, почему это неистребимое предубеждение заведомо распространяется на творчество молодого прозаика, с которым "мастера", по собственному признанию, знакомы не были. На мой взгляд, это стратегически провальная позиция для молодой литературы. Если продолжить и дальше просто отфыркиваться от творчества политически\тусовочно чуждых писателей, делить всех на "своих" и "чужих" в литературе, то ненароком можно и проглядеть Пушкина в палатке "чужого" лагеря. А ему очень понадобится вся доступная помощь для похода в заполонённый масслитом город.

Что касается общей пользы семинаров Союза писателей Москвы, то, конечно, она неоспорима. Участники моей группы показали, что устно способны разбирать тексты на высоком уровне. Если говорить о семинарах других видов литературной деятельности, то от своих коллег я слышала только восторженные отзывы. Полагаю, что и эта площадка для обсуждения может быть крайне полезна многим начинающим писателям.

Ну а если неугомонному трудяге всё ещё недостаточно обилия мнений о своём творчестве или же в силу каких бы то ни было обстоятельств он не смог попасть ни на одно из упомянутых мероприятий, то я могу предложить прогуляться на семинары Совета молодых литераторов при Союзе писателей России, которые и сама посещаю с завидной регулярностью. Совет молодых литераторов – это организация, созданная год назад, в теории осуществляющая работу с молодыми авторами по шести направлениям, я же хочу поговорить лишь об одном из них, что и является темой моих рассуждений: о еженедельных поэтических и прозаических семинарах. Обсуждение может посетить любой желающий. Конкурсной основы семинар не имеет, начинающий автор может услышать мнения семинаристов о своём творчестве в свободной дружеской атмосфере, лишённой давления мастеров (их просто нет) и "очищенной" от тусовочных склок. На семинары приходят люди разных политических взглядов, эстетических установок, вкусовых предпочтений. Критерий, как и в Союзе писателей Москвы, только один: талант автора. Но в данном случае семинар сам регулирует себя и, если участники замечают, что они "ушли в сторону" от текста, то тут же к нему возвращаются. В противном случае (что случается крайне редко) модератор пресекает посторонние полемики и возвращает обсуждение в нужное русло.

Признаюсь, что, когда я приходила на первые подобные встречи, я была полна злости и просто набрасывалась на обсуждаемые тексты и, как следствие, на автора. Но с каждым новым семинаром моя внутренняя пружина разжималась, каждая встреча учила меня культуре обсуждения, и целью моей стало не эффектно высказаться и блеснуть своими критическими способностями, но помочь писателю в его творческом развитии. Эта важная для меня трансформация произошла только потому, что творческая обстановка была настолько комфортной, что позволила мне взглянуть со стороны не только на других, но и на себя. Подобный демократичный формат представляется мне удачным экспериментом. Если говорить не о частной результативности, а об общей продуктивности, то одним из результатов творческих встреч становится публикация лучших, по мнению руководителей Совета, работ. Этому посвящена целая рубрика "Новое имя" на сайте "Российский писатель" и приложение журнала "Москва", которое называется "Голоса молодой России".

При всей моей симпатии и восторге по отношению к семинарам, итоги их меня не всегда вдохновляют, качество отбираемых текстов не всегда устраивает. Но уровень обсуждения, его подробность и внимательность, безусловно, способствуют творческому росту и развитию.

Забегая немного вперёд, стоит сказать, что к 15 Съезду Союза писателей России Совет молодых литераторов готовит молодёжную программу 13-14 февраля, главная идея которой – всероссийский семинар молодых авторов. Пожалуй, этот формат по своему размаху напоминает "Липки", описанные выше, но если на форум Филатова заявку можно подать индивидуально и рассчитывать на результат, то в данном случае участников семинаров рекомендуют руководители региональных отделений\молодёжных секций Союза писателей России, а также редакции региональных журналов. Это даёт основания рассчитывать на качественное обсуждение и обмен действительно существующим организационно-творческим опытом. На нахождение точек соприкосновения между регионами или же, наоборот, важной и показательной разности мнений. Так как молодёжная программа проходит на базе Московского государственного института культуры, отдельной группой выделены семинары студенческие, где уже состоявшиеся молодые авторы будут разбирать тексты только ещё начинающих литераторов. Мероприятие обещает быть пёстрым и разноплановым, и мне, как его будущему участнику, остаётся только надеяться на то, что оно будет ещё и результативным. Впрочем, об ожиданиях и итогах будет логичнее говорить уже после грядущего события.

Последней и по счёту, и по моей оценке семинарской площадкой, о которой я упомяну, станет форум "Таврида", каждый год организуемый государством для творческой молодёжи. Так как "Таврида" по сути своей – это пионерский лагерь для взрослых, то и периоды функционирования форума называются сменами. Существуют смены разных творческих направлений: режиссёрские, танцевальные, архитектурные и т.д. Мне довелось побывать на смене писательской. Там я услышала рассуждения Дмитрия Киселёва о патриотизме, поиграла в игры на сплочение, посмотрела на презентации интересных и полезных проектов участников, за которые им потом выдали гранты в размере 300 тысяч рублей. Литературные сайты, поэтические битвы, передачи о молодой поэзии – о, этот фольклор "Тавриды"! На семинаре критики я задала Андрею Васильевичу Василевскому очень волнующий меня на тот момент вопрос. Я спросила, как главный редактор "Нового мира" относится к критическому наследию Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Сергеевича Мережковского. Василевский ответил, что эта пара не входит в круг его интересов. В общем-то это максимальный уровень нового знания, которое мне удалось почерпнуть из творческого моря "Тавриды". Ведь само руководство форума поставило мастеров в необычные условия. Некоторые руководители семинаров собрали тексты, чтобы обсудить их на следующей встрече, однако их ожидало разочарование: в хаотичной вселенной креатива на следующий семинар пришли уже совсем другие люди. А потому приходилось давать экстренные мастер-классы и отвечать на неподготовленные вопросы.

Остаётся только надеяться, что после посещения всех перечисленных площадок у молодого писателя всё же останутся моральные силы творить, и вера в себя не покинет его окончательно. Тогда он вполне может выйти на прямую дорогу прогресса, главное – пропускать высказывания бесконечных семинаристов через очистительные фильтры и перерабатывать любое подобное мероприятия в опыт. Так или иначе все прошли школу семинаров, даже те, кто проводит их теперь за деньги и вручает свои книги с автографом как знаки отличия.

Светлана СУПРУНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Дружеские – и не очень

НЕОЖИДАННОСТЬ

Благодаря гашишу
Я всё прекрасно вижу:
И Дельвига во фраке,
и Гоголя в плаще,
И Царскую деревню,
И Анну-свет-Андревну,
И маленьких каких-то,
бесцветных вообще.
Виктор Брюховецкий

Как накурюсь гашишу,
Такое, братцы, вижу!
Вон Кушнер в панталонах
и в чепчике Эсхил,
Мережко без корсета,
На поприще поэта
Державин, в камилавке,
меня благословил.

А книг моих-то – тыщи,
И не тома – томищи!
Ни критики, ни бури
мне не страшны теперь.
Иду уже смелее,
Передо мной, в ливрее,
Сам Александр Сергеич
распахивает дверь.

Наутро я в тревоге:
Стою в трусах, без тоги,
Со шприцем и в халате какой-то изувер.
Где фраки и манишки?
Всё странные людишки,
И вывеска огромная: "Наркодиспансер".

РОДИОНОВНЕ

Родная Родионовна, шепни
Мне хоть одну заветную быличку.
В кануны полнолуния есть дни,
Когда вступают души в перекличку.

Коль хочешь, принесу тебе вина;
Ты с кружкою рассядешься, как сваха.
***
– Ну как ты добрался, хороший? –
Спросила жена с-под кукушки.
Владимир Подлузский

Темно и грустно в брежневской лачужке,
И день увесь я пил, кажися, чай.
Я выглянул под вечер с-под кукушки
И закричал: "Старушка, выручай!".

Пейзаж, замечу, с подлинником схожий,
И снова буря крыла небо мглой.
Чужая няня, одуванчик божий,
Перекликалась ласково со мной.

Мы выпьем с ней, как с доброю подружкой,
И я сказал, не чувствуя вины:
"Ты приходи, но со своею кружкой,
Ведь у меня всё больше стаканы.

Хотя б одну заветную быличку
Мне одному шепни, и все дела.
Не откажи и спой мне про синичку,
Что тихо-тихо за морем жила.

И не забудь, конечно, про девицу,
Как за водой ступала поутру…".
С надеждою смотрю я на десницу,
Когда же та потянется к перу.

И – потянулась! Тот позыв извечен,
Бумаге я доверил мемуар
И подписал с-поднизу – "Зимний вечер".
В.В. Подлузский. Коми. Сыктывкар.

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13,
Тел. редакции: **8-916-015-80-69**.
Наш сайт: **denlit.ru**
Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск,
Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор
Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18 +

Подписано в печать 29.01. 2018 г. Заказ №